

МАРИНА МЕЛЬНИКОВА
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Марина Мельникова

Четвертое измерение

«Десятая Муза»

2019

УДК 82.821.161.1-312.9
ББК 84-445.1

Мельникова М.

Четвертое измерение / М. Мельникова — «Десятая Муза», 2019

ISBN 978-5-907122-46-8

Судьба – это то, что нам навязывают; а то, что получилось, называется биографией. Михаил Жванецкий

УДК 82.821.161.1-312.9

ББК 84-445.1

ISBN 978-5-907122-46-8

© Мельникова М., 2019

© Десятая Муза, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Мельникова

Четвертое измерение

© Марина Мельникова, 2019

* * *

*Посвящаю Евгению Мельникову...
Пусть каждый твой день будет удачным, а твои достижения
превысят поставленные цели.*

*«Чужая жизнь, как чужие окна... Даже если на подоконнике
цветы, это еще не значит, что внутри рай...»
Жемчужины мысли*

Глава 1

«...он усадил Золушку в кресло и, надев хрустальную туфельку на её маленькую ножку, сразу увидел, что больше примерять ему не придется: башмачок был точь-в-точь по ножке, а ножка – по башмачку», – читал он, а буквы плясали разными цветами, наполняя пространство его большой комнаты тёплой музыкой, заставляющей сжиматься горло от каких-то непостижимых чувств.

Что привлекало его в этой старой как мир сказке, которую он перечитывал раз за разом, открывая для себя, целую гамму эмоций? В своих грёзах он был принцем, видевшим девушку с огромными изумрудными глазами и копной шелковистых волос. От неё исходило тёплое мерцающее сияние, которое словно радужный кокон окутывал Золушку его грёз. Оно вспыхивало и давало похожие на языки пламени протуберанцы, которые удлинялись и извивались.

Как-то он показал книжку своему другу. Тот, ехидно хмыкнув, буркнул:

– Я не читаю девчачьи книжки.

– А ты правда не видишь принцессу? – удивленно спросил он.

Спросил, хотя знал – не видит!

Буква «З» ему нравилась больше всех. Она источала лоснящуюся энергию жизни и радости, словно говорила: «Всё будет хорошо!», а еще пахла апельсином и корицей. Какой странный купаж запахов... Своим сочетанием они напоминали аппетитные пироги, которые пекла для него Раиса Ивановна, повар и просто замечательная женщина, чуткая и внимательная. Пекла до тех пор, пока не запретила ей стряпать разные вкусности вечно сидящая на диете мама.

– Это яд! – говорила тихо, не повышая тона, но твёрдо и с убеждением в своей правоте хозяйка.

– Что одному яд, другому – лакомство, – пыталась протестовать кухарка.

– Перечить мне не советую, если не хотите нарваться на проблемы.

Мама была одинока, и это одиночество наложило особый отпечаток на её жизнь. Тридцативосьмилетняя красивая и богатая женщина могла бы без труда вновь выйти замуж. Но рядом не оказалось самодостаточного мужчины, способного растопить зачерствевшее сердце гордой красавицы. Те, кого привлекала роскошь её дома и солидный банковский счёт, вызывали у нее презрение. Замурованная в своей гордости, она превратилась в киберсущество с отточенной компьютерной программой, позволяющей реализовывать самые безумные идеи и планы, но от этого становилась еще большим отшельником. Страдая сама, она невольно распространяла вокруг себя ауру¹ цвета горчицы – ауру душевной боли, неудовлетворённости и раздражения.

– Владимир! Ты опять слоняешься без дела? – смотря на него, как коршун на куропатку, в негодовании спрашивала она.

– Мам, я...

Влад чувствовал в себе живительную Силу и способность восстановить родного человека эмоционально и энергетически, чтобы, наконец, ушло её бесконечное недовольство.

– Ну что застыл? – опять в раздражении буркнула женщина, в стальных глазах затаилась пустота.

– Мам...

Ему так хотелось подойти к ней, прижаться и поцеловать, окутать ее розовым цветом, и не нарваться при этом на вечное: «Телячьи нежности, телячьи нежности...».

¹ Влад «видел» кокон эфирного тела человека и знал, что его тон и плотность являются отражением мыслей, поступков, желаний, болезней и пристрастий. Аура имела основной цвет, который оставался на протяжении жизни, но в зависимости от уровня энергетики, духовности, состояния здоровья и многого другого менялся цвет похожего на туман или облако пара эмоционального тела.

Ко всему прочему снаружи стояла отвратная погода. Ветер завывал в приоткрытых фрамугах и жалобно стонал в каминной трубе. Затянувшееся ненастье окутало непроницаемым сырым покрывалом мир за окном, а горчичная аура стала мрачнее и насыщеннее.

Бросив на мать тоскливый взгляд, он прошептал:

– Я пойду в свою комнату.

– Вот и молодец, – равнодушно фыркнула она, не отрывая взгляд от монитора.

– Владимир, – прервала поток его грустных мыслей неслышно подошедшая няня, – как насчёт молока с печеньем?

Несмотря на напускную строгость, он видел её спокойное лазурное биополе, и эта синь заставляла подчиниться и выполнить её просьбу. Няня была хрупкого сложения, как маленькая статуэтка, затянутая в корсет строгого костюма, совсем не вязавшегося с ее игривостью и жизнелюбием. Но требование хозяйки выполнялось беспрекословно, и каждый день он видел Софью одетой с иголочки, подтянутой с притворной важностью на открытом лице. Он улыбнулся и, протянув ей руку, отправился в столовую.

Шли годы, но ничего не менялось. Время в стеклянном, сияющем стерильной чистотой доме замерло, словно его и многочисленную прислугу положили в банку и засунули в морозилку.

– Вот вам, Владимир, и семнадцать! – сверкнув смешинками в глазах, произнесла Софья, а потом, погасив лукавые искорки, строго добавила: – Напоминаю, что Олег Иванович приедет за вами к десяти часам. В десять тридцать у вас тренировка, в двенадцать языки, в два часа...

Она смотрела на него снизу вверх, пытаясь донести важную, как ей казалось, информацию, а его светло – серые, почти голубые глаза равнодушно проехали по ней и остановились на окне.

Уже сейчас в нем читалась порода и он, несомненно, станет красивейшим представителем своего пола. Высокий рост и натренированное тело пловца, темно-каштановые волосы и яркие живые глаза, смотрящие прямо в душу. Совсем не детский взгляд. Софья говорила и говорила, расписывая по часам его субботу, а он отрешенно уставился в окно, пытаясь уловить настроение нарождающегося дня.

Шоколадный внедорожник беззвучно подкатил к главному входу, и водитель, сверкнув белозубой улыбкой, открыл перед ним дверь.

– Итак, Владимир, пристегнули ремни и вперед! – по-доброму подмигнув парню, задорно сказал он.

Молодой человек поймал себя на мысли, что у мамы удивительная способность подбирать персонал, вернее, великолепное чутье на людей. Не имея возможности оценивать их так, как может оценивать он, женщина безошибочно находила жемчужины в россыпи пластмассовых подделок, с фальшивыми улыбками, с мертвыми мыслями и застывшими чувствами.

На цокольном этаже элитного спорткомплекса располагалось множество тренировочных помещений: тренажерный зал, залы для аэробики, единоборств и танцев, огромный бассейн и раздевалки. Переодевшись и запахивая на ходу халат, Влад направился в сторону бассейна. Немного побродив по коридорам, он остановился в задумчивости у входа. Навстречу ему вылетела целая стайка девчонок.

– Хай, Влад! – стреляя глазками и активно махая руками в знак приветствия, закричали они. – Как жизнь?

– Бежит! – улыбнулся молодой человек.

Он уже привык к уменьшению своего имени до первого корня «Влад» и даже ассоциировал его с собственным Я.

– Хорошенький этот Новгородцев! – прошептала одна из них, мечтательно закатив глаза. – А – а, чёрт! Кому же такое добро достанется?

– Какой-нибудь принцессе, – пробурчала другая, – слишком уж мнит о себе.

Она тряхнула гривой цвета пшеницы и сморщила веснушчатый носик, а потом решительно начала закручивать пышные волосы в «бублик».

– Да брось сердиться, Ленка, строишь из себя обиженную, – с ехидной ухмылочкой проговорила подруга, – он пару раз тебя подвез, а ты уже напридумывала невесть чего.

Ленка презрительно посмотрела на приятельницу.

– Больно надо злиться, подумаешь, цаца какая. Этому принцу мамаша уже с пелёнок невесту подыскала и сосватала, так что не отвертится, его жизнь по секундам расписана в блокноте у гувернантки...

Глава 2

Влад улавливал «вспышки» их слов, образующих вокруг девушек невыносимые всполохи разных цветов и оттенков: яркие, тусклые, светлые и тёмные. Он почти привык жить с этим даром, почти... и даром ли? Эти цвета неслись к нему, опять преобразовываясь в текст, распознаваемый им на каком-то невыносимом уровне. Сегодня их речи, против обыкновения вызвали у молодого человека лишь ироничную усмешку. Сейчас чувство собственной важности притупилось, и тешить свое самолюбие осознанием того, что он вызывает такой интерес у противоположного пола, временно расхотелось. Перед его глазами стояла мама, а в голове вертелась навязчивая мысль: «ОН убивает её!». Влад потряс головой, отгоняя нахлынувшие на него воспоминания.

...Однажды Влад почувствовал удивительные изменения, произошедшие с его мамой. Переливаясь лилово-золотым светом, вокруг неё туманом разлилась энергия счастья. В одночасье ушло уныние, рутина повседневности. Она полюбила, и жизнь ее наполнилась новым смыслом. Владимир был рад. Однако с течением времени он начал замечать, что бывшая абсолютно здоровым человеком мама начала болеть. Глаза стали тусклыми, слезящимися, веки красноватыми, а в руке её частенько оказывался бокал с алкогольным напитком. Солнечная сказка начала затухать, пока не превратилась в тусклое подобие вечерних огней. Осталась в ее жизни какая-то примитивная конфетно – букетная версия счастья. Но это было её счастье, пусть иллюзорное.

Владимир чувствовал, что бывший фитнес-тренер, который вот уже два года на правах почти мужа поселился в их доме, убивает её. Он как паук, перед тем, как высосать жизнь из пойманной в его сети мухи, обволакивает насекомое липкими нитями своей паутины. Влад часто спрашивал себя:

– Откуда вдруг взялся в их жизни породистый и уверенный в себе красавец?

Хотя у такой великолепной женщины он рано или поздно должен был появиться.

Артем, так звали пришельца, словно искусственно создавал какие-то проблемы. В доме нередко им провоцировались конфликты, служившие для вовлечения домочадцев и прислуги в скандальные разборки. С ними поселился энергетический вампир, а пониженный самоконтроль матери, вызванный отчасти алкоголем, затуманивающим разум, способствовал «подкармливанию» этого паука. Из активной и сильной личности она превратилась в жертву.

Традиционный вечерний ужин в кругу «семьи» был для Влада сущим наказанием. Он, как всегда, уселся подальше от Артема и старался контролировать свои негативные эмоции. Оболочка чувств, окружавшая его биополе, была надежно спрятана в непробиваемый кокон. Сколько раз молодой человек пытался окружить таким коконом маму, но все было безуспешно. На данный эксперимент ему не хватало ни опыта, ни сил. Он вынужден был молча смотреть на излучения эмоций близкого ему человека, подогретые алкоголем, и миграцию их через искаженные энергетические каналы Артема.

Они ужинали на большой, увитой плющом и виноградом, застеклённой террасе. Искусство повара превзошло все ожидания, и удовольствие от еды временно отвлекло Влада от анализа непростой ситуации. Артем был излишне вежлив и внимателен, впрочем, как всегда, когда рядом оказывался Влад. Мужчина будто старался проникнуть сквозь непробиваемую защиту, окутавшую парня, как одеяло, и, провоцируя, загнать его в ловушку. А мама, не чувствуя их молчаливой борьбы, самозабвенно пережевывала телячью отбивную и запивала её коньяком.

Звонок телефона тихой трелью разбавил затянувшееся напряжение.

– Вовремя, – прошептал Влад, бросив презрительный взгляд в сторону друга семьи.

– Да-да Лена, я тебя внимательно слушаю.

Слегка отодвинув тарелку с остатками ужина, Влад поднялся со стула.

– Ты не мог бы разбираться со своими друзьями в другое время? – зло бросила мать.

– Оставь парня, любовь моя, – слащавым голосом протянул Артем, подняв в молодом человеке новую волну раздражения.

Она улыбнулась и, протянув ему руку, нежно смотрела на любимого своими помутневшими от напитка глазами. Подхватив руку, Артем начал целовать её в ладонь и выше. Сейчас матери стали безразличны и сам Влад, и его друзья. Втянувшись в игру любовника, женщина откинула назад голову и свободной рукой приподнимала рукав, указывая пальцем места столь желанных поцелуев.

– Сюда...

Артем шёл губами по синей пульсирующей жилке до белой округлости плеча, озаренного мягким, чуть приглушенным светом. Влад видел, как яркий густо-оранжевый шлейф маминского биополя вытекал тоненькой струйкой, как вода из дырявого полиэтиленового пакета, а потом, словно подхваченный пылесосом, устремлялся в провал, образовавшийся в районе солнечного сплетения вампира. Владимир изменился в лице и механически протянул руку к стоящей на столе тяжёлой вазе. Трах! Оконная рама задрожала и осыпалась осколками. Любовники вздрогнули и перепуганными глазами впились в разбитое окно, через которое вломились ветви плюща.

– Одумайся, мама! Во что ты превратилась!

Он испустил громкий, полный боли крик, а раскаленный до предела гнев клокотал в нем с неистовой силой.

Первой пришла в себя мать.

– Вон!... Вон! – заверещала она тонким, не своим голосом.

Брови Артёма взлетели вверх, губы сжались, а всё показное дружелюбие испарилось. Перед Владом сидел демон, мрачный и немой.

Острый поток влажного вечернего воздуха... освещённые окна домов... чьи-то голоса... Влад оказался на глухой, безлюдной улице. В ушах шумело, стучало, пульсировало, а горечь подступала к горлу, не давая ровно дышать. Он бежал, не разбирая улиц, не осознавая ничего, кроме боли, а на душе было тоскливо и одиноко. Это «вон» подгоняло его вперед. Влад ощущал себя псом, изгнанным из стаи и потерявшим нечто большее, чем семья. Это был конец безоблачного существования, его иллюзия рассеялась туманом, а впереди жизнь, которую нужно еще выстроить. Его не страшил гнев матери, он презирал недовольство её друга. Сейчас он бежал от себя, от своего ненавистного дара, обнажавшего перед ним души окружающих его людей. Их естество, словно скелеты, вываливающиеся из шкафа в самый неподходящий момент, пугало своей неприкрытой сущностью.

Что дальше? Он не знал. В груди поселилось невыразимое, бесформенное нечто, а голова пухла от бессвязных мыслей. Было все равно куда бежать, лишь бы подальше отсюда. Он сам не понял, как оказался на переднем сидении такси.

Водитель приподнял брови смешным домиком, да так и замер в немом вопросе. Откуда-то в голове Влада возникло название населённого пункта.

– В Первомайский, пожалуйста... – неуверенно произнёс он.

Парень с внутренним напряжением ждал, что таксист выразит недоумение, но порывшись в навигаторе, мужчина ответил:

– К посёлку толком не подъехать, остановлю у поля, деньги-то есть?

Порывшись в брючных карманах, молодой человек вытащил две скомканные бумажки, и опять удивившись данному обстоятельству, показал их водителю. Наличных денег он с собой не носил, была банковская карточка, да и та осталась дома.

Машина мчалась по бесконечным улицам, пестревшим вывесками, афишами и рекламными щитами. Когда исчезли городские огни, неразговорчивый таксист, буркнув что-то вроде:

«сё харе, приехали» и нисколько не заботясь о дальнейшей судьбе молодого человека, резко затормозил.

Все вокруг потонуло в непроглядной тьме, и невозможно было различить ни домов, ни деревьев. Ночной прохладный ветерок тронул лицо и унесся вдаль. Когда же машина уехала, стало тихо, а в воздухе запахло травой и полевыми цветами. Влад шёл уже час и с каждым новым шагом рос страх, а в усталой голове шевелились неприятные мысли: «Откуда взялся «Первомайский»? А деньги? Может..., не помню... Наваждение какое-то!». Слева поднимался какой-то бесконечный забор, а справа тянулось полотно железной дороги. То тут, то там смутно угадывались очертания деревенских покосившихся домишек.

– И забрел же я! – присвистнул он.

До рези в глазах он вглядывался в ночную темень. Вдалеке чернели приземистые строения, может скотные дворы, а может сараи. Среди этого скопища вдруг весело заиграли огоньки, словно звёздочка протянула тонкий лучик, оживив рассыпанные по траве осколки стекла. Движимый инстинктом самосохранения, Влад направился в сторону мистического блеска. Голод, рождённый пережитым стрессом, сводил с ума.

У небольшой избы стояла коренастая лошадёнка, запряжённая в телегу со свежескошенной травой, которая распространяла вокруг сладковато-приторный запах.

– Батеньки, кого это среди ночи-то принесло?

Голос в ночи старчески дребезжал, но в нем удивительным образом чувствовались сила и достоинство.

– Простите... бабушка, я заблудился, – проговорил Влад, стараясь не показать свое волнение. – Вы позволите мне побыть у вас до утра? Я замёрз и...

Он скрестил руки на груди, стараясь подавить дрожь.

– Что ж, молодой барин, – перебила его старуха, – самовар только вскипел, да и пироги подошли.

Он не стал анализировать такое несовременное обращение «барин». Возникло полное ощущение, что сегодня ночью ждали именно его и даже угощение состряпали. Не заставив себя приглашать дважды, Влад решительно вошёл в дом. Большую комнату освещали тусклым светом несколько трепетавших на сквозняке грубо слепленных восковых свечей.

– У нас опять вырубili свет, – хмыкнула хозяйка, – приходится жить, как в средневековье. Не люблю темень, в ней всякие твари водятся.

Женщина подошла к столу. Тускло мерцающее пламя озарило ее большую голову с аккуратно затянутыми в бублик седыми волосами.

– Садись, что вылупился, или руки перед едой помыть требуется? Так вода в колодце, сгоняй и принеси.

Его сердце отчаянно колотилось пойманной в кулачок птицей. Он будто оказался в гостях у Бабы-Яги. Старушка его до отвала накормит-напоит, а после велит сесть на лопату и ручки сложить, да в печку задвинет и заслонкой подопрёт. Атмосфера нереального накрыла волной ледяного цунами, поэтому и слова из его горла вырывались сбивчиво и прерывисто.

– С...спасибо, я как-т...то так.

Он уже был не рад тому, что глупый инстинкт заставил его идти на свет.

Свечи озаряли только часть большой комнаты. Дальние её уголки тонули во мраке, словно в них затаились духи сказочного жилища, готовые по мановению руки волшебницы наброситься на гостя. В светлице стояли две кровати, огромный старинный шкаф, занимавший большую часть противоположной от окна стены. На самодельной вешалке висели фуфайка и старая одежда, а рядом был пристроен рукомойник с тазиком под ним, уместившийся на высокой деревянной табуретке. Вот и вся обстановка. Влад опять перевел озадаченный взгляд на незнакомку, а та захихикала, словно почувствовав его страх, и с довольным видом выдала:

– Да не бойся, барин, я жарить тебя не стану...

Она задорно приснула. Смех её напоминал скрежет колес несмазанной телеги.

– ...разве что сварю, так полезнее будет.

Не выдержав ее насмешливый взгляд, Влад сконфуженно отвёл глаза. Он только сейчас осознал, что не видит ауры странной незнакомки. Совсем не видит!

– Кто Вы и почему так странно ко мне обращаетесь? – ошарашенно спросил он.

Старушка не ответила. Молча указав пальцем на стул, она начала накрывать на стол и вскоре, как по волшебству на нём уже парил самовар. От аромата, исходившего от огромной тарелки с горячими пирогами и пиал, доверху заполненных каким-то деревенским угощением, закружилась голова. Владу приходилось то и дело сглатывать слюну.

Глава 3

...а в это время в другом мире.

Огромная усадьба, названная Циарой в честь богини, стоящей на страже Порядка, находилась в нескольких десятках километров от городских ворот. Это был дворец, протянувшийся от искусственного озера до великолепного парка, разбитого ещё в годы царствования прапрадеда Георга II. Сейчас же он разросся, превратившись в лес, кишасший дикими зверями. Изысканный архитектурный стиль: башенки с красными черепичными крышами, фасад из декоративного камня, узорная каменная вязь и решетчатые балконы, – всё это говорило не только о богатстве обитателей замка, но и об их влиятельности в местном обществе. Великолепная подъездная аллея, обсаженная по обеим сторонам роскошными конскими каштанами, усыпанными крупными бело-розовыми благоухающими свечами-соцветиями, была местной достопримечательностью и гордостью садовников. Ведь на этой каменистой, бесплодной почве мало, что приживалось. Один только прекрасный цветник маленькой хозяйки стоил садовникам огромного труда и тонн плодородной земли.

В это утро, против обыкновения господ поднялись поздновато. С восьми утра по межгалактическому времени во дворце уже суетились кухарки, горничные и лакеи, похожие друг на друга своими квадратными лицами и яркими безэмоциональными глазами.

– Душенька, хозяйка заказала пирог с лесными ягодами и горячий шоколад...

– А господин? – перебила горничную кухарка.

– Он хочет то же, что желает жена, впрочем, как всегда.

Низенькая толстая старушка с белоснежной сединой уже более сорока лет кашеварила у любимых хозяев. Ее все называли Душенька из-за вечно удивленного, словно у ребенка, лица и добродушного покладистого характера.

– Только проследите, чтобы пирог хорошенько подрумянился, – рискнула напомнить молоденькая горничная.

– Иди уже! Сами с усами... – буркнула кухарка, заглядывая в духовку.

– Приказано срочно, – выпалила служанка и, стуча каблучками, быстро выбежала, словно испугавшись собственной храбрости.

Глубоко погрузившись в свои мысли, кухарка не заметила, что осталась одна.

– Да не переживай, деточка, сейчас мадам Розалия наведается к маленькой госпоже, так что к нужному времени угощение и подойдёт, – вещала она в пустой кухне.

Пока длился этот непродолжительный диалог, пробудившаяся хозяйка действительно отправились проводить своего единственного ангелочка, вернувшегося, наконец, в отчий дом.

– Бедная девочка, наверное, не сомкнула глаз из-за проклятой грозы, – по дороге шептала мать.

Но судя по её тихому дыханию, дочь спала крепким сном. В комнате царил полумрак, лишь узкая полоска солнечного света, проникая через неплотно зашторенные портьеры, освещала широкое ложе и спящую на нём красивую девушку. Легкое кружевное покрывало было накинуто на ее стройные ножки. В этом сумраке она лежала, как склонивший головку распустившийся майский цветок. Ее густые чёрные волосы разметались по матовым, слегка прихваченным загаром, плечам. Девушка была божественно хороша: свежее личико, прямой носик, пухлые губки, которые заставят учащенно биться ни одно мужское сердце. Сейчас дочь казалась ей как никогда беззащитной и хрупкой, что у матери на миг защемило сердце, но, сбросив наваждение, женщина вышла из спальни.

К приходу хозяйки стол к завтраку был полностью сервирован.

– Ваши Величества, – склонившись в глубоком поклоне, проговорил пожилой слуга в золотисто-красной ливрее, – как Вы и приказали, я никого не впустил, хотя герцог уж очень настаивал.

– Молодец, Фердинанд, ты настоящий помощник, – отхлебнув горячий напиток, сухо проговорил король, – никого не пускать! Не скрываться от них, кружат вокруг девочки, как шакалы, а ей только шестнадцать исполнилось.

Супруги какое-то время безмолвно наслаждались ароматным шоколадом и чудесным пирогом. Приезжая время от времени в эту глухомань, они отдыхали телом и душой от навязчивых подданных, от дворцовых сплетен и интриг. Никакие развлечения и политические волнения не могли вынудить королевскую чету забыть об этом уединенном уголке, дарившем им тихие и счастливые часы. Но обычно царившее за семейным столом торжественное молчание было нарушено.

– Какая ужасная погода была ночью, – тяжело вздохнув, проговорил король.

Жена долго смотрела на него загадочным взглядом, затем нарочито спокойно спросила:

– Георг, душа моя, не это ведь тебя тревожит?

Король проследил за тем, как она положила в тарелку кусочек пирога, затем посмотрел ей в глаза.

– Ты права, Розалия.

Он как-то странно улыбнулся.

– Ох, Георг, когда ты так улыбаешься, становится не по себе. О чём ты думаешь? Говори, не томи!

Розалия замерла, и, словно почувствовав напряжение хозяйки, снаружи завыл и завизжал ветер. Такой сильный порыв в ясную погоду мог означать только одно – королева тревожится. От жалобного его стоны задрезбжали стекла огромных окон.

Король драматично вздохнул.

– Я последнее время постоянно думаю о Даре...

И заметив непонимающий взгляд жены, уточнил:

– В ней нет никакой Силы. Она беззащитна в нашем мире, и любая тварь может ей навредить или того хуже...

Георг отрешенно уставился на кружевную скатерть, словно изучая её орнамент. Он задумчиво прошелся пальцем по контуру большого цветка, по его завиткам и листочкам.

– Не томи, друг мой, – всхлинула жена, – я ведь вижу, что у тебя зреет важное решение. Может, поделишься им? И тебе станет легче, и я успокоюсь, хм..., может быть.

Георг выдохнул уголком губ.

– Нам нужно рассмотреть вариант брака Дары с Анаром. Его родители давно лелеют мысль породниться с нами. Он принц Хаоса, она принцесса Порядка – традиционный союз! И к тому же девочка будет под его могучей защитой.

Перед глазами Розалии явственно предстал образ герцога. В Нижнем мире его называли Серым из-за склонности к уединению, тайным интригам и манипуляциям. Было в его облике что-то пугающее и торжественное одновременно. В каждом его жесте, взгляде и слове чувствовалось какое-то предзнаменование. Он был на десять лет старше Дары и красив, как дьявол. Впрочем, принц Хаоса и должен был быть таким: высоким, с волнистыми черными как смоль волосами и серыми, отливающими металлом, искристыми глазами, в которых часто угадывалась ироничная холодность.

– Да, так было испокон веков, – обреченно вздохнула королева, – два дома всегда старались породниться. Как могло произойти, что наш ребёнок не владеет Силой правящих династий Салитона?

– Не знаю, Розалия, представляешь, не знаю! – Георг развёл руками в беспомощном жесте. – Нехорошо, что дочь не «видит» эфирные тела гуманоидных существ и не может

вовремя почувствовать неладное. А я ведь посетил храм Семьи, чтобы вернуться в прошлое и понять эту странность, но наткнулся на непроницаемый блок, словно разум, отличный от нашего закрыл для меня занавес времени.

Короля передёрнуло, словно от внезапной боли.

– Терпеть не могу временные перемещения.

Его горькие слова навлекли на королеву суеверный ужас. Ведь когда господин Порядка говорит: «Не знаю!» – это что-то из ряда вон выходящее. Внезапная бледность Розалии, торжественное молчание Фердинанда, застывшего бронзовым изваянием у белого камина, помпезность и вычурность столовой с большими семейными портретами, укоризненно глядящими на них блестящими глазами, начали раздражать короля, тем более, что помолвка и последующее замужество дочери не очень вписывалось в размеренный распорядок их жизни.

– Послушай, но ведь Дара совсем ещё ребенок... – прошептала королева.

– Мы можем только сосватать девочку, официально всё чин чинном, а годика эдак через три или четыре и свадьбу можно будет отпраздновать.

– Ты думаешь, что правящий дом Хаоса пойдёт на такие условия?

– А им ничего не останется, как согласиться с ними!

Глава 4

– Я – Анар, принц Хаоса, смиренно сватаю Дару, принцессу Порядка. Обязуюсь хранить ей верность и вступить с ней в законный брак по достижению невестой совершеннолетия. Моя клятва так же прочна, как прочны Отзеркаленные Вселенные Салитона – Порядок и Хаос. Как прочна их Симметрия, так прочна моя клятва...

Он стоял облаченный в традиционный черный наряд, отороченный серебристым мехом. Анар был как породистый скакун – горд, красив, своенравен.

Вздых восторга и зависти пронесся по залу. Придворные дамы искоса разглядывали принцессу, сидящую на возвышении у тронов родителей. Казалось, она не разделяла всеобщего восхищения, а на её прекрасном лице застыла гримаса недоумения. Словно всё, что происходило в этом празднично убранном тронном зале, к ней не имело никакого отношения. Церемония для принцессы была бесконечной и тягостной: клятвы, заверения, обязательства, пожелания. Она чувствовала себя лишней на этом нудном мероприятии. Родители обеих династий радовались, как дети. Жених не сводил с Дары таинственного взгляда, а дамы не отрывали восторженных глаз с жениха. Все были чинно, благородно, как и хотел король Георг.

Не выдержав напряжения, Дара спустилась в банкетную залу с тем, чтобы, смешавшись с гостями, незаметно покинуть замок. Но её перехватила приятельница и оттащила к окну.

– Ты куда?!

Нина была ближайшей подругой и наперсницей, которая своей природной сдержанностью и осторожностью в высказываниях, подавала пример истинного благонравия. Обычно она не поучала, не давала наставлений, не критиковала. Но иногда её слова непостижимым образом отрезвляли и заставляли вспомнить о родовом долге.

– Отстань Нина, я устала и хочу уйти, – принцесса скорчила недовольную гримасу.

– Ты ведёшь себя неприемлемо, – и, окинув взглядом толпу, собеседница зашептала, – улыбнись Дара, на тебя смотрят! – и, заметив её саркастически скривившееся лицо, серьезно добавила: – Тебе завидуют все, от горничной до герцогини, а ты стоишь тут, как перепуганное животное, и неизвестно, что сделаешь в следующий момент: кинешься, или убежишь – впрочем, последнее ты и выбрала.

– Отстань, Нина, я все ещё не могу понять, как родители решились на такое... на такое... – пытаюсь найти подходящее слово, Дара слишком нервно дернула головой и жемчужная диадема сдвинулась набок.

Ее изумрудные глаза метали искры, девушка вся напряглась от злости. Платье цвета розовой орхидеи обтягивало Дару стальным корсетом, не давая дышать. Ее и без того тонкая талия сжалась до невероятно малых размеров, а расшитый узором из золотых нитей и жемчуга корсаж делал платье тяжёлым, как кольчуга. Еще и высокая прическа, созданная мастерицами специально под старинную диадему, начала давить, вызывая головную боль. Впрочем, сейчас её раздражало всё и всё вызывало у нее головную боль. В глазах внезапно защипало.

– Ну вот ещё, – зашикала на нее Нина, незаметно подсовывая платок, – я еще могла бы понять, если б тебя сосватали какому-то старикану, а тут всё при нём... Я хочу сказать, что Анар почти первое лицо своего государства, да и какое лицо! – Нина демонстративно закатила глаза.

– Ладно, уговорила, – дуги бровей принцессы сошлись у переносицы, – пойду обратно.

Официальная церемония, наконец, завершилась, и Анар пригласил невесту на первый танец. Жених был открыт и доброжелателен. Дара слегка пошатнулась, спускаясь с тронного возвышения, ещё больше разозлившись на весь мир за неловкость. Он бережно подхватил невесту под локоть. Но как ей хотелось оттолкнуть эту руку!

– Послушай, Дара, – спокойно, словно разговаривая с маленьким капризным ребенком, произнес он, – я сожалею, что не вписался в твои девичьи грёзы, но мы с тобой люди подневольные. Законы могущественных династий Салитона нерушимы, не мы их придумали – не нам их отменять. Испокон веков Порядок и Хаос шли рука об руку, и как ни крути, у нас нет иного выхода. Подумай...

Он говорил и говорил, а Дара молчала, борясь со слезами. Вот он, какой вкус правды. Его долгая прочувствованная тирада была логична. Анар, как умный мужчина, не навязывал своего мнения, он лишь обратился к фактам, с которыми нужно было считаться. В конце концов, она родилась принцессой и обязана по праву рождения следовать законам крови.

– Прости, Анар...

Отзвук смущения в собственного голоса ее озадачил, но, взяв себя в руки, она продолжила:

– Ты прав, я веду себя неприемлемо, но у нас есть несколько лет для того, чтобы лучше узнать друг друга.

– Вот и умница, – целуя её затянутую в перчатку руку, по-отечески резюмировал он и, развернувшись к невесте спиной, двинулся в сторону открытой террасы.

Коридоры дворца были битком набиты придворными, съехавшимися со всех отдаленных уголочков Вселенных, а в воздухе витал тяжёлый запах разгоряченных тел, вина и еды. Как озабоченные пчёлы, сновали взад-вперед услужливые лакеи, но на всех приглашенных не хватало рук. Дара с грустью смотрела по сторонам, понимая, что сегодняшний день связал ее судьбу с судьбой стоящего в отдалении чужого для неё мужчины. Её отрешённый взгляд остановился на вошедшей в зал незнакомке.

– Кто она? – спросила принцесса у возникшей, как по мановению волшебной палочки рядом с ней Нины.

Переключить свои мысли на что-то иное – вот, что Даре сейчас было нужно. Пришлица была царственно красива. В отличие от самой принцессы, юной, еще не сформировавшейся девчонки, гостя словно изучала серебристо-белое сияние. Цвета гречишного меда длинные волосы были просто забраны в высокий хвост и спускались ниже талии крупными волнами. Благородное лицо, коралловые пухлые губы и потрясающие синие глаза под густыми ресницами. Что могло быть прелестней?

– Та, что в чёрном платье?

– Первый раз её вижу...

– Она из рода Эгрегоров² Хаоса и о-очень знатного рода. Девушка недавно достигла совершеннолетия³ и стала выходить в свет. Её окутывает Сила! – торжественно констатировала подруга.

Дара знала, что великосветское общество, как гербы на ливрее своих слуг, выставляло династическую ауру напоказ. Знала, но видеть её не могла. Услышав их разговор, рядом стоящая пожилая герцогиня заговорщицки захихикала и поспешила отойти подальше.

– В чём дело, Нина? – Дара нахмурилась.

Подруга чуть-чуть стушевалась, но, взяв себя в руки, спокойно сказала:

– Просто ходят слухи, что она любовница Анара, а слухи из ничего не рождаются.

Даре стало отчего-то так неприятно, словно она вторглась в чье-то личное пространство.

– И что прикажешь мне делать с этой информацией? – с оттенком осуждения спросила Дара.

Нина поперхнулась шипучим напитком и удивленно остановила свой взгляд на подруге.

² Сущности Хаоса, способные вселяться в человека и имеющие возможность соприкасаться, через человеческое тело с нашим миром.

³ На Салитоне совершеннолетие наступает в двадцать лет.

- Ты спросила – я ответила, – пожала она плечами.
- Решив немного сгладить свою резкость, Дара проговорила:
- Она вся в чёрном, словно пришла на поминки.
- Ты забываешь, что черный – их национальный цвет и носить этот цвет в своей одежде или нет – выбор каждого.
- А ты становишься брюзгой.
- Нина, чувствуя настроение подруги, предпочла удалиться.

Глава 5

*Энтропия – мера хаоса во вселенной.
Однако из хаоса создаётся порядок.*

Пока Влад уплетал ещё горячие пироги – старушка его разглядывала, словно стервятник с колючими стеклянными зрачками. Они сидели за огромным столом, способным вместить, казалось, всех рыцарей круглого стола, а с ними и сто восемьдесят воинов. Но безмолвное разглядывание начало действовать Владу на нервы, а то обстоятельство, что он не «видел» ауру незнакомки, его озадачивало.

Многие вопросы вроде: «Кто же она? Явно не Землянка, тогда откуда явилась?..» всплывали обрывками, но прервать затянувшееся молчание Влад не решался. Будто уловив его терзания, хозяйка загадочно усмехнулась и взмахнула рукой. В одно мгновение свечи в последний раз трепыхнулись и погасли, а комната погрузилась во мрак. Влад был готов ко всему, но чтобы одномоментно очутиться в непроницаемой тьме?

Молодой человек опешил. Поток бессознательной силы, вызванной первобытным страхом, медленно поднялся из глубины его души вверх, создавая опору в области солнечного сплетения, и вспыхнул, разгораясь все больше и больше. Синие холодные искорки пробежали по его рукам. Они бегали, как суетливые муравьи, постепенно меняя цвет на ярко-оранжевый. Влад протянул руки в сторону потухших свечей, и они в одно мгновение вспыхнули.

Но что это? Молодой человек сидел уже не на грубо сколоченном табурете, а на высоком, обитом зелёным бархатом стуле. Первое, что бросилось Владу в глаза – были картины на стене в богатых золоченых рамах. На него свысока смотрели персонажи в замысловатых одеждах и богатых украшениях. Внезапно зажглась бронзовая люстра, под разрисованным, как в старинных храмах, высоким потолком. Большие настенные часы в футляре с тонкой резьбой медленно отстукивали время. Все то, что предстало перед его глазами, было торжественно, внушительно и необъяснимо. Молодой человек на какое-то время забыл о странной старой женщине, погрузившей его в сказку. Глазами Влад переходил от одного предмета к другому, подмечая изящные безделушки, разбавлявшие чопорную обстановку гостиной. Здесь были серебряные шкатулки, небольшие статуэтки, вырезанные из полудрагоценных камней и тяжёлые напольные вазы. Но когда его взгляд упал на замершую напротив хозяйку, он вскрикнул от неожиданности и вскочил. Женщина же сидела, положив подбородок на сплетённые руки. Длинные локоны, цвета гречишного мёда ниспадали на покатые плечи, грациозную шею украшало ожерелье с явно дорогим красным камнем, названия которого Влад не знал, пышный бюст обрамляло чёрное кружево вечернего платья. Молодая чаровница.

– Я Фрея, – наконец, произнесла она.

– С ума сойти, – усаживаясь, только и смог выговорить молодой человек.

Девушка же, довольная произведенным впечатлением, хмыкнула.

– Что ты видишь? – спросила она, раскрыв руки в приглашающем жесте.

Аура незнакомки взорвалась разноцветным фонтаном. Внешняя, более прозрачная её оболочка протуберанцами отрывалась от эфирного тела и медленно таяла в пространстве.

– Я у людей такой не видел, – прошептал Влад, с опозданием поняв, что сказал глупость. Ведь и так было ясно – перед ним сидит не человек, по крайней мере, в общепринятом смысле этого слова.

– Ты ошибаешься, я человек, – по-доброму усмехнулась она, – однако то, что ты оказался здесь, у меня в гостях, не может быть случайностью. Н-да, это и неожиданно, и удивительно... Я сначала подумала, что ты обыкновенный синестетик⁴.

Девушка задумалась, а её глаза потемнели, словно приглушили цвет.

– А ты, молодой человек, считаешь себя человеком? – наконец, спросила она.

– Станный вопрос.

– Ты не ответил...

Он отвернулся, сосредоточив свой взгляд на стоящей справа чаше.

– Нормальный человек не замечает того, что вижу я! – пробубнил он. – Либо я паранойк, либо не человек. Я всегда знал, что всё «ощущаю» иначе, чем окружающие.

А потом спросил с полным самообладанием:

– Вы не хотите рассказать – кто вы, откуда?

Фрея смотрела на парня пронизательным испытующим взглядом. От этого созерцания ему опять стало не по себе.

– Тебе никогда не приходило в голову, что живут и здравствуют высшие существа, например, люди, обитающие, скажем, в...

– Четвёртом измерении? – перебил её Влад.

– Пусть будет в четвёртом, – усмехнулась девушка, – хотя так ли важно, в каком измерении живут такие, как мы? Есть миры, как эта реальность, где перемешан порядок и хаос, а есть макрокосм, где существует Вселенная Порядка и Вселенная Хаоса – Отзеркаленная Симметрия. Без одного нет другого, они спаяны и имеют общую ось. Салитон – дано им имя!

На чуждом слове «Салитон» непременно должна была зазвучать Токката и фуга ре минор Баха. От этой музыки должно было содрогнуться всё, включая и это сказочное место. Но она громыхнула лишь в его голове, заставив вздрогнуть от ощущения наплывающего сна, кошмара или сумасшествия. Молодой человек, широко раскрыв глаза и, словно не веря ушам своим, слушал рассказ Фреи, но осознавал только то, что не в силах понять открытую ему истину. Все это напоминало научный трактат: интересный, интригующий, но непостижимый. Неожиданно для себя он сам стал его составной частью, незаметно вплестись в текст, но, как ни старался, так и не смог понять его смысл.

– Тогда как попали сюда вы – дитя чужого мира? Для чего? Нам что-то угрожает? – пытаюсь осознать хотя бы самую малость, сыпал вопросами он.

– Просто решила пожить здесь, – пожала плечами Фрея, – я изучаю быт и культуру примитивных миров. У вас эта профессия называется археолог.

Уловив удивление на лице собеседника, она поспешила объяснить:

– Я могу путешествовать в пространстве, могу телепортироваться. В отличие от созданий третьего измерения мне доступно очень многое. Например, для своего удобства я создала это место. Оно располагается совсем рядом, параллельно с твоим миром, поэтому наше перемещение произошло почти мгновенно. Ваши физики сказали бы, что жители Салитона игнорируют физические законы.

– А я тоже м...могу... телеп...портироваться? – спотыкаясь о слова, проговорил ошарашенный молодой человек.

– Твоя аура очень странная, я бы даже сказала... уникальная, – в раздумье она покачала головой, – но я не могу понять, что с ней не так. В программу моей подготовки входило изучение ауральдики, но я, к сожалению, так безответственно подходила к занятиям! К какому же из родов Салитона ты можешь относиться?

⁴ *Синестезия* – это особый способ восприятия, когда некоторые состояния, явления, понятия и символы произвольно наделяются дополнительными качествами: цветом, запахом, текстурой, вкусом, геометрической формой, звуковой тональностью или положением в пространстве.

– Вы меня пугаете! Я – Землянин!

Нахмурившись, Фрея замерла, рассматривая радужные завихрения, окутавшие его коконом. Пространство между ними накалилось, а тело словно пронзило бесчисленными иголками. Сканирование было весьма неприятным, еще мгновение – и он прервал бы его репликой.

– Знаешь, земляк, хм... а у тебя аура... – ошарашенно прошептала она, склоняясь к нему, – но такого не может быть!

– Баба Шура, баба Шура! – откуда-то снаружи послышался детский крик.

Этот обыденный зов, как и неожиданный стук в дверь, своей реальностью не вписывался в мистическую нереальность. Влад вздрогнул, несмотря на то, что шум доносился словно из-под толщи воды. Пространство подернулось рябью, как вода в озере. Он вновь сидел на неказистом грубо сколоченном табурете в старушечьей избе.

Глава 6

На пороге приютившего его дома стоял мамин личный водитель Георгий Павлович и трое охранников. Вопрос «Как они меня нашли?» отпал у Влада сам собой. Перед ним находились профессионалы, способные перевернуть всё вокруг по команде хозяина «фас». Молодой человек нахмурил тёмные брови и сжал кулаки. Вся его напряжённая поза говорила, что он не сдвинется с места, даже если обрушится мир.

– Послушай Влад, – примирительно подняв руки, обратился к нему Георгий Павлович, – ты же знаешь, что на твой счёт нам даны чёткие указания, и не выполнить их мы не имеем права. Я и ребята просто лишимся работы, а за тобой явятся другие.

Молодой человек отступил внутрь дома. Он знал, что прислуга просто выполняет свою работу и за неповиновение будет наказана. Но отчего вдруг перед глазами Влада возникло лицо ненавистного Артёма?

«Нет! Я не игрушка!» – возник внутренний протест.

Контуры его тела начали подсвечиваться и расплываться. Охрана, поначалу ринувшаяся было к нему, отпрянула, словно увидела фантом. Мужчины замерли истуканами и смотрели, как силуэт Влада растворяется туманом, становясь всё прозрачнее и призрачнее. А молодому человеку казалось, что мир вокруг перевернулся.

Что с ним происходит? Откуда этот яркий мелькающий, словно проблесковый маячок свет и пронизывающий тело мучительный холод? Он, словно автоматический зонд, исследующий Вселенную, летел сквозь пространство и время. Казалось, что он рассекает руками гладь космоса с его миллиардами звёзд, как пловец воду во время заплыва. Он был бесплотным духом, а планеты и галактики с бешеной скоростью неслись сквозь него. Сейчас Влад не мог анализировать. Остатками разума он осознавал, что ещё чуть-чуть, и он будет скован космическим холодом и поглощен чернотой. Но тело, словно опровергая его опасения, продолжало жить своей непостижимой для разума жизнью, превратившись в корабль, бороздивший безжизненные просторы. Как в кошмарном сне, одержимый неистовым отчаянием, он пытался взять себя в руки и не закричать или заплакать, как ребёнок. Его одолевали паника и страх, а мозг отказывался воспринимать события последних мгновений. Путешествие казалось бесконечным. Ощукая приступы морской болезни, Влад заставил себя закрыть глаза, а когда открыл их...

Он стоял в пожухлой траве. Вокруг раскинулся мёртвый каменистый пейзаж, а вдали виднелись безжизненные горы с блестящими сахарными вершинами. В небе, словно издеваясь над приговорённым, приветливо подмигивали два глаза-светила: огромное ярко-оранжевое и маленькое алое. Влада заштормило так сильно, что молодой человек в ужасе уселся на траву. Он готов был поклясться, что земля под его ногами вздрогнула, а непонятно откуда исходящий гул и грохот, словно работал на полную мощность гигантский машиностроительный завод, сводил с ума. Первый раз в жизни его волосы встали дыбом, а по телу поползли мурашки.

– Таак! Приехали! Где я? Как я сюда попал? Что со мной происходит? – шептал он, – Я телепортировался? Но как?

Наконец, сбросив оцепенение, Влад попытался сосредоточиться. Он живо представил свою хрупкую голубую планету, одиноко парящую в вечной ночи космоса, родное солнце, совсем не похожее на висящие над головой чужие звёзды неизвестной планетной системы, дом и свою комнату, служившую для него крепостью, и мысленно настроится на обратное перемещение.

Кто, если не он сам, стал виной происшедшему? Очевидно, что ненависть и нежелание возвращаться домой сыграли с ним плохую шутку. Однако эмоция, бросившая его в объятия чужого мира, сменилась массой других, и вычленив её из бесконечного множества одолевав-

ших его чувств было невозможно, как невозможно было вернуться обратно в свою реальность, на планету по имени Земля.

– Что делать?

Но Влад не двигался с места, лихорадочно обводя лишенными мысли глазами все прилегающее к нему пространство. И тут его взгляд зацепился за что-то странное. В нескольких десятках метров от него лежало нечто, показавшееся ему вначале тёмным валуном. Неожиданно оно шевельнулось и протяжно зевнуло. Молодой человек встал и, подойдя поближе, растерянно уставился на лежащее в траве тело.

Это было фантазийное существо, больше напоминающее детёныша тролля: зеленоватый цвет лица, маленькие глаза и огромный рот с острыми зубами, созданный, скорее, откусывать головы врагам, а не для перемалывания пищи. Существо уселось и, так же как Влад, сосредоточенно его разглядывало.

– Ты Высший? Надо же... я Ратиш, – наконец, произнесло оно скрипучим голосом.

Молодой человек его понял, прочитав яркие всполохи букв, моментально распознав закономерности образования звуков и структуру чужого языка.

– Простите, я как-то непонятно сюда попал... Владимир, – сумбурно ответил он, – Вы не можете мне вернуться домой? Я – Землянин!

– С ума сойти! – восторженно воскликнул Ратиш и, вскочив с неожиданной прытью, несколько раз обежал вокруг него. – Ты действительно не понимаешь, куда угодил? Может, головой стукнулся и перепутал маршрут?

Опешивший Влад обвел взором унылый пейзаж. Его нервы звенели от напряжения. Сейчас он даже не попытался воскресить в памяти прочитанные фэнтези, чтобы идентифицировать говорившее с ним чудище с книжными персонажами. Ясно было одно – он попал на чужую планету, благо что атмосферный воздух, гравитация и комфортная температура были похожи на земные.

– Пойдем со мной, Лад-Имир, я познакомлю тебя с Пато. Может, он поможет разобраться с твоей ситуацией?

Ратиш задумчиво присвистнул и пошёл впереди, показывая дорогу. Несмотря на своё несуразное тело, он двигался пластичнее, чем Влад мог ожидать. Даже на расстоянии чувствовалось, какая силища живет в его неказистой фигуре. Молодой человек поймал себя на том, что захлестнувшая его поначалу паника ушла, и проснулся интерес исследователя, познакомившегося с представителем неведомой расы инопланетян. Вот оно, непознанное, необъяснимое и таинственное!

«ОНИ всё-таки существуют!» – эта мысль крутилась в его голове, не давая переключиться на более актуальные вопросы.

Настал день, когда представитель *Homosapiens* столкнулся с иным разумом, и рассуждения о пришельцах из космоса обрели реальные очертания в лице идущего рядом тролля. Дорога тянулась вдоль глубокого оврага, заросшего низкорослым стелющимся кустарником с синими стеблями и белесыми, словно тронутыми плесенью, листьями. Да, это был чужой мир! Вокруг носились иные запахи, с пронзительным свистом мимо пролетали неведомые птицы, смахивающие на летучих мышей. Приглядевшись, Влад заметил деловито суетившихся в траве козявок, совсем не похожих на земных насекомых.

Пройдя еще метров триста и обогнув нагромождение скал, Ратиш вывел его к строениям, напоминающим советские хрущобы. Перед ними раскинулся уродливый город цвета засохшей глины, весь пропитанный промышленным запахом и оглушаемый несмолкаемым грохотом. Каменные строения тянулись, насколько хватало глаз, одинаковые и безликие, словно солдатские казармы, сложенные для чисто практических надобностей. Это было беспорядочное скопище тяжеловесных коробок, теснящихся, как попало, впритык. Откуда-то периодически доносился очень длинный пронзительный звук, похожий на усиленный вой фабричного гудка.

Пахло неведомой химией, чем именно, Влад не разобрал. Тяжелый запах отдалённо напоминал гарь и машинное масло.

Вдалеке маячили фигуры. Подойдя ближе, Влад понял, это были вовсе не люди. У строения, напоминающего автобусную остановку, стояли приземистые коренастые гуманоиды, похожие на Радиша, но были среди них и высокие как жерди, весьма худощавые существа, напоминающие клоунов на ходулях: копна рыжих волос, бледно-зелёный цвет кожи, уши лопухами и маленькие глазки. Довольно грязные комбинезоны с логотипом ОК «Пракситрон» на кармане и большим принтом на спине облегали тела инопланетян, как вторая кожа.

– Кто они? – не выдержав, спросил Влад.

– Это бригада ремонтных рабочих Объединенной Корпорации второй шахты праксидиума. Они ждут погружной модуль...

С демонстративным равнодушием Радиш пожал плечами, словно говоря: «Всё ж написано...»

Разговоры стихли, а взоры инопланетян обратились в сторону удивлённо озирающегося высокого и странно одетого парня.

– Радиш, дружище, что за душку ты нам привёл? – с глумливой ухмылкой спросил высокий тип, с виду старший в группе. – Нашим господам из Тефии опять что-то надо? Пракситрону всё мало, скоро и нас продадут с аукциона.

– Брось, Теон, это совсем не то, что ты думаешь.

– Да ты что! – ехидно бросил длинный. – Ты читаешь мои мысли, как Высший? Браво, парень, растёшь в моих глазах.

Проигнорировав иронию, Радиш ответил:

– Нам очень нужен Пато! Ты не знаешь, где застрял его модуль?

– Очень нужен... – передразнил его длинный, – он всем просто необходим. При перегрузке топлива в транспортнике сломалась какая-то ерунда, так что подъём приостановлен на четверть часа.

Рабочий угрюмо уселся на лавку, продолжая буравить Влада тусклыми мышинными глазами. Однако пристальное изучение продлилось не долго. Что-то протяжно ухнуло, и над ними зависло нечто, напоминающее вагонетку для погрузки угля. Только как такой грузный и неуклюжий механизм мог так легко планировать в воздухе для Влада осталось загадкой. Модуль с гулким скрежетом опустился на землю, и из него вышли несколько инопланетян в такой же замызганной униформе с корпоративным логотипом.

Шедший впереди незнакомец махнул рукой группе ремонтных рабочих и крикнул:

– Теон, когда спустишься в шахту, прислушайся к буровому насосу. Мне не нравится его песня.

Это был обыкновенный человек лет сорока, коренастый, с коротко стриженными волосами и пронзительным взглядом. Но, только подойдя ближе и рассмотрев его, Влад заметил, что цвет его кожи был зеленоватым, отчего незнакомец казался болезненным или даже немного не живым.

– Что вам нужно? – уловив ошарашенный взгляд Влада, без прелюдий спросил он.

Но вместо молодого человека ответил Радиш.

– Мы тебя, Пато, ожидаем, поговорить надо.

Однако мужчина неожиданно закашлялся. Когда приступ, раздирающий его тело, закончился, он сплюнул, и на земле осталось красное пятно.

– Кровь? – в ужасе спросил Влад. – Вам же нужна врачебная помощь!

Вместо ответа рабочий энергично помотал головой, а когда отдышался, прохрипел:

– Это праксидиум... м-да, чувствую, разговор будет интересным...

Развернувшись, Пато быстрым шагом пошёл в сторону ближайшего подъезда.

– Ну чего застыл, – Радиш грубо толкнул Влада в бок, – пошли, что ли...

Голос тролля вернул парня в реальный мир.

Глава 7

Всё предопределено. Но можно сказать, что и нет, так как мы не знаем, что же именно предопределено.

Стивен Хокинг

Впервые Владимир Новгородцев столкнулся с нищетой и убожеством. Парень в сопровождении старожил вошел в помещение, больше походившее на солдатскую казарму по присутствию пяти или шести кроватей, узкого шкафа с открытой дверцей и нескольких старых стульев, тёмными пятнами выделяющихся на фоне грязно-жёлтых стен. Дальше за отворенной дверью виднелось помещение, служившее очевидно комнатой для омовения с тазами и кувшинами. Быт «братьев по разуму» смущал своей примитивностью. На двух кроватях у окна в полной отключке лежали сослуживцы Пато. Рабочие спали так крепко, что их не подняла бы и пушка. Они, казалось, рухнули без сил, даже не сняв грязной одежды.

Бросив ключи на полочку и оставив дверь открытой, Пато неопределённо спросил:

– Тебе надо поесть?

Почти одновременно прозвучали два ответа: «Нет, благодарю вас» и «Ой не надо уговаривать, я и так соглашусь!». Хозяин удивленно обернулся и то, что он прочитал на лицах Влада и Радиша, заставило его расхохотаться. Гости застыли и мгновение просто смотрели друг на друга, а после тоже дружно рассмеялись. Такой незначительный эпизод в один момент разрядил атмосферу. Из глубины комнаты донеслось сердитое бормотание.

– Совесть имейте, дайте поспать.

Отдыхающий еще что-то пробормотал, но уже невнятно, и недовольное ворчание сменилось громким храпом. Пато меж тем деловито сновал по комнате, и на столе, как по волшебству возникли примитивные, похожие на деревенскую глиняную посуду, тарелки и пиалы. В центр столешницы была поставлена большая сковорода с аппетитно шкворчащими и дразняще пахнущими деликатесами. Влад так и не понял, что это – овощи или мясо.

– Ешь, парень, а то благодарю... В большой семье не щелкай клювом, – силясь сдержать улыбку, произнёс Пато. – Бери пример с Радиша, он никогда не упустит возможность на халяву набить брюхо. Как звать-то тебя?

Краем глаза молодой человек заметил, как недовольно заёрзал Радиш.

– Лад-Имир, – опередил его расторопный тролль.

– Владимир, – уточнил молодой человек.

– Хорошо, Лад, – отозвался Пато, все-таки по-своему интерпретировав имя гостя, – ешь и рассказывай всё, что с тобой произошло.

Молодой человек не заставил просить себя дважды. Ведь наблюдать, как жадно Радиш уплетает угощение, было неумогу, тем более что от благоухания еды свело желудок и заурчало в животе. Поначалу он ел молча. Влад, казалось, тысячный раз прокручивал в голове не поддающееся анализу происшествие, пытаясь вычленив полезную информацию из хаоса эмоций. Обдумывал и переосмысливал события. Однако находясь под столь мощным ударом, он совершенно не мог заставить себя сосредоточиться на главном. Наконец, сглотнул застрявший в горле комок, он начал свой невесёлый рассказ. Когда же Влад дошёл до встречи с Фреей, рабочий удивлённо переспросил:

– Я так понимаю, что вы с ней куда-то переместились?

Молодой человек утвердительно качнул головой, а Пато продолжил:

– Всё, что она тебе рассказала, действительно касается Высших. Только их представители могут менять внешность, перемещаться между мирами, не прибегая к помощи техники и по желанию переносить людей. Они много чего умеют, но таких – единицы. Только не понимаю,

как сделал это ты – создание, не принадлежащее к Высшему семейству Салитона. А что Фрея сказала про твою ауру?

Влад натянуто усмехнулся, пожал плечами и пробормотал:

– Она не успела ничего сказать. За мной пришли, и всё вернулось: мы опять оказались в деревенской избе, а девушка стала бабой Шурой.

– Ну и дела!

Пато пружинисто встал и начал нервно мерить шагами комнату. Он в глубокой задумчивости ерошил свои коротко стриженные с сединой на висках волосы и что-то шептал, словно рассуждал.

– Нет! – был вынесен вердикт. – Перемещаться обычный человек, не принадлежащий к высшей касте, не может. Но от этого не легче.

– Я вас не понимаю, – прошептал Влад, чувствуя, что еще немного, и он потеряет над собой контроль и расплечется.

– Тебе сможет помочь разобраться со способностями только Высший. Очевидно, что они у тебя есть, только не развиты, ведь ты жил в обществе не способном к телепортации. Не кажется ли тебе, Лад-Имир, что ты не в милости у Вселенной?

Пато опять принялся теребить волосы, а потом, словно собравшись с мыслями, уселся на свой стул и, сложив пальцы в замок, уже неотрывно смотрел на молодого человека. Даже Радиш перестал жевать, тупо сидел и глядел в одну точку. Всё вокруг замерло, словно остановилось мгновение. Настоящее господина Новгородцева застыло, а прошлое, как и грядущее, затянулось туманной дымкой. Не прозвучит уже трубный «подъём» мобильного, не услышит он тихий, но очень настойчивый голос Софы. Исчезли старые неприятности и передраги, но появились новые серьезные проблемы.

– Мы находимся на Кроне, пятой планете звёздной системы Седна, – прервал молчание Пато. – Здесь живут наёмные рабочие, добывающие в шахтах праксидиум, универсальное и очень ценное топливо, обладающее антигравитационными свойствами.

Явно пришедший в ужас от услышанного, Влад выпалил на одном дыхании:

– Я думал, что эта планета входит в систему Салитона! Тогда где живут Высшие, и можно ли до них добраться?

– В том-то и дело, что никто не знает. Может, это просто формальное разделение на миры Порядка и Хаоса? Знаю только то, что рабочих для работы в шахтах и на рудниках вербуют на Тефии, и там я видел Высших. Они похожи на тебя, такие же гладенькие и чистенькие... – Пато чертыхнулся, – да и внешне, как андроиды, идеальные куклы, одним словом.

– А может, есть транспортное сообщение с Тефией?

Не открывая глаз от лица парня, Пато отрицательно качнул головой.

– Значит, рано или поздно сюда привезут рабочих, и я попрошусь взять меня с собой, – Влад неопределённо ткнул пальцем в небо.

– Нет, парень, твои надежды напрасны. Штат укомплектован, тем более, что здесь появились постоянные поселенцы, и рабов для шахт достаточно, а транспортное сообщение между Кроном и Тефией невыгодно Корпорации. Всё необходимое для жизнедеятельности на Крон доставляется грузовыми модулями, и ими же отправляют праксидиум. Эта техника непригодна для путешествия человека. Работодатели могут сюда заявиться, если отгрузка антиграва будет приостановлена, но на это никто из рабочих не пойдет. Сам понимаешь, время простоя «Прокситрон» не оплатит, – и, потеряв подбородок, Пато задумчиво добавил, – правда, на моём веку несколько раз доставляли рабов в торсионных лифтах, запрограммированных на «безысходность».

– Это как?

– Выйти можно, а войти нельзя. Здесь столько желающих убраться из этого пекла! А сами работодатели не прилетают, боятся, что им морды набьют.

– А как же окончание контрактов? Ведь работники должны как-то попасть домой...

Пато раздраженно мотнул головой и, помрачнев, проговорил:

– Народ просто не доживает до их окончания, на моей памяти такого не было. Заработанные деньги по согласованному с наёмными графику отправляют их семьям, часть средств на пропитание присылают сюда. Вот и всё. Мы добровольные рабы без прав, без желаний, без стремлений. Машины по добыче отравы, убивающей нас молодыми.

– Но как же... Вы достигли такого уровня цивилизации, путешествуете между планетами, а смерть не победили?

Влад осёкся. Его мозг отказывался переваривать свалившуюся на голову информацию, он просто отключился. Только сейчас парень осознал, насколько поступил опрометчиво, пожелав убраться из ставшего таким ненавистным дома – хоть на край света, хоть за океан, хоть к чёрту на тусовку, лишь бы быть подальше от него.

– Ты наивно полагаешь, что наниматели всех выстроят, сделают укол, и умирать перестанет? Мы станем молодыми и бессмертными? – оторвав его от грустных дум, язвительно ответил Пато. – Мы просто пешки в большой и давней игре. Концерн формирует целые планетарные колонии и выбросит их, когда они больше не будут нужны для осуществления их планов и замыслов, так же спокойно, как мы выбрасываем сломанную лопату. А как потом выживают люди – никого больше не занимает.

Влада пробрала ледяная волна, он замер как под гипнозом, не смея пошевелиться. На Пато смотрели глаза, полные отчаяния, страха и боли.

– Что же мне делать?

Сейчас человек, сидящий перед ним в нарочито расслабленной позе, был для него и братом, и другом, и господом Богом. Не выдержав напряжения, Влад опустил лицо в ладони.

– Не дрейфь, сынок! Прорвёмся! Тебе надо начать работать. Сам посуди, кто будет кормить и одевать совершенно постороннего человека? Тем более, что мы продаём свои жизни за гроши.

– Я готов работать, только как без документов, без... – он хотел сказать: «без прописки», но понял, какими смешными покажутся его аргументы, – наниматели ведь на Тефии?

– У поселенцев есть рекрутёр, он оформляет на работу и транслирует информацию в «Пракситрон».

– Спасибо, я...

– Э, нет, парень, за это спасибо не говорят. Ты попал в пекло, впрочем... хм, сам увидишь, куда тебя занесло.

Глава 8

Уже на следующий день Влад в новеньком комбинезоне с логотипом компании, частью которой стал, в каске и непромокаемой куртке спустился в шахту праксидиума, а дальше по накатанной – день за днём. Добываемый ими красный минерал по слоистой структуре очень напоминал каменный уголь. С помощью хитрых лабораторных манипуляций удивительное вещество превращалось в «антиграв», использующийся в качестве топлива для космических кораблей братьев по разуму и в различных хозяйственных модулях: транспортных, погружных, грузовых и многих других, названия которых он ещё не знал.

Поначалу работа показалась ему невыносимой. Тело, привыкшее к физическим нагрузкам в спортзале, болью известило о наличии мышц, о существовании которых он и не знал. Однако спустя время он начал привыкать к однообразному, монотонному труду шахтёра и приобретать сноровку. Уже меньше страдал от сырости и духоты на рабочем месте, а сон стал самым большим подарком. Хотя и он порой не приносил облегчения: являлись кошмары. Они вносили в сознание молодого человека хаос, словно проверяя его на прочность.

Влада преследовало почти бредовое видение: он застревает в узкой горизонтальной выработке, не имеющей выхода на поверхность. Зачастую его крик ужаса будил коллег, с которыми он делил казарму на шесть коек. Мучительное физическое напряжение в первые недели ученичества и мелкая пыль праксидиума – отравы, которую он вдыхал – сыграли с ним злую шутку. Он заболел. Несколько дней не проходила рвота и лихорадка, его тело ломило, а бредовые видения разгулялись не на шутку: беспрестанно всплывающие среди гула голоса штейгеров⁵, выкрикивающих приказы; скрежетание погружного модуля, резко снимающегося с упоров и камнем летевшего вниз на дно красной ямы; мелькающие в бесшумном полёте тусклые лампы; закрытые дверцы вентиляционных ходов.

– Нет, парень, так дело не пойдет! Очевидно, минерал для тебя – яд, – воскликнул Пато, очередной раз, придя проведать Влада. – Тебя надо переводить в проходчики, иначе ты долго не протянешь. У них стальные мышцы и слабые мозги, хм... Впрочем, последнее к тебе не относится.

Сразу после выздоровления Влад приступил к новым обязанностям. Пато, очевидно, имеющий зуб на специалистов-проходчиков, неверно истолковал суть профессии. Да, стальные мышцы очень были нужны, но извилинами пришлось шевелить изрядно. На специальных курсах молодому человеку вдалбливали азы знаний: развивали память, технический интеллект, наблюдательность и внимание. Его мозг сначала полоскали, затем сушили, а после и вовсе вынесли. Но он смело шёл вперёд, увлекаемый жаждой новых знаний.

Ещё Влад заметил странные метаморфозы, происходившие с его телом. Поначалу красная пыль минерала сильно разъедала кожу, ставшую одной саднящей болячкой. Раны заживали долго, а зажив, оставляли тёмный и грубый рубец. Но вдруг, его клетки, словно напившись ядом и выработав противоядие, перестали реагировать на отраву. Его кожа словно пришла в себя после ужасного периода болезненного и вялого безразличия к жизни. Цвет её стал отливать бронзой, как у человека, отдохнувшего на курорте, а царапины, шрамы и порезы, оставленные острыми кромками породы, исчезли, будто их и не было. Выходя из шахты, он словно отряхивался, как собака после мытья, и обновлялся.

Часто Влад бился над загадкой: «Как не зачахла душа несчастных людей, брошенных нуждой на край мира, под гнётом, казалось бы, непосильной ноши?» Ведь при всей технически продвинутой цивилизации инопланетных братьев непроизводительный физический труд никак не заменялся на механический. Живые машины были выгоднее роботов. Единствен-

⁵ руководитель

ное достижение – рельсовая дорога для вагонеток на ручной тяге была заменена громоздкими модулями, совмещающими функции доставки шахтёров к месту работы, грузовика-транспортёрщика и погрузчика. Но при всём при этом коллеги Влада считали, что их жалкое существование – это норма для всей Вселенной. Постепенно он и сам превращался в живую машину.

Особенно большое влияние на молодого человека оказывал по-отечески относившийся к нему Пато. Он видел, что Влад по развитию выше рабочих, нуждой заброшенных в адское пекло. Он чувствовал, насколько парень разносторонне развит, ему нравились его решительность и ум.

Подземные скороходы по-доброму отнеслись к новобранцу – он не жаловался, даже когда валился с ног от усталости. Впервые случайный работник так быстро освоился с шахтерской жизнью. Своеобразное соперничество возникло только между Владом и длинноногим Теоном. Последний считал, что у механиков больше мозгов, чем у проходчиков, и постоянно пытался это доказать. Но со временем мудреные рассказы о вещах, в существование которых Влад не верил, иссякли. Чертежи и расчёты с ошибками, которые Теон регулярно подбрасывал молодому человеку, надеясь на крик о помощи, благополучно возвращались исправленными. Постепенно накал страстей стих, и Теон утихомирился, признав превосходство новичка. Мелочь, но Владу она была приятна.

Однако Влад сотый раз спрашивал себя, что же мешает ему в общении с инопланетной братвой. Например, Пато находил особое удовольствие в разговорах с простыми шахтёрами. Он отыскивал жемчужины мудрости и за столом, и за чашкой горячительного напитка на кухне. Он наслаждался солёными шутками горняков и остроумной беседой с торговцами разносолами. Что отличало Влада от него, кроме цвета кожи? Может, отсутствие страсти, способности любить, ощущать боль другого человека, разделять его радость? Он был один среди толпы.

Наскоро пообедав в «чебуречной», так Влад прозвал маленькую забегаловку у дома, едва живой от усталости, он поднялся в свою комнату. Три кровати из шести были заняты храпящими и изрядно грязными сослуживцами. Молодой человек уныло посмотрел на ободранную дверь, за которой была тишина, но вздохнул и в одежде рухнул на постель. Уснул он моментально, ведь за двое суток ему не удалось вздремнуть и трёх часов.

Но призрачная надежда на долгий и сладкий сон быстро испарилась. Дружный назойливый храп не умолкал, и его трели становились всё громче и злее. Совсем недавно эти рулады не донимали Влада. Адский труд, сравнимый разве что с работой раба на каменоломнях, полностью лишал его сил. К концу смены он выматывался настолько, что засыпал, едва донеся голову до подушки. Со временем его тело просто подстроилось под нагрузку, появилась недюжинная сила и выносливость, но тяжелее стало засыпать в шуме и духоте. Так произошло и сейчас. Он проснулся спустя несколько часов от ломоты во всем теле и тяжести в голове. Не спалось. Влад с трудом поднялся, решив пройтись и подышать свежим воздухом.

Нависшая над планетой, так и не ставшей родной, тишина была непривычной. Тихо и спокойно... как это? Он уже забыл, что такое безмолвие ночи. То безмолвие, когда не шелестит листва от лёгкого вечернего ветерка, когда ещё не затянули свои песни сверчки, а птицы почистили перышки и уснули. Небесная ткань над ним, словно тёмная вуаль, полная незнакомых созвездий, была бесконечной, а мерцающая их красота сводила с ума. Но только сейчас молодой человек полностью осознал всю безвыходность своего положения. Он застрял в чужом мире, как в мышеловке.

Влад шёл, куда глаза глядят, и недавнее желание глотнуть свежего воздуха и тишины таяло с каждым пройденным метром. Хотелось закрыть глаза и бежать отсюда со всех ног, чтобы не догнали и не вернули в ад, что он и сделал. А когда кончились силы, Влад рухнул в сухую, съеденную солнцами, траву и отключился. Но спустя время его разбудило ироничное восклицание:

– Так-так-так, парень! Я знал, что в тебе течёт голубая Тефианская кровь.

Влад лежал на спине, закинув руки, будто заслоняясь от солнца, а два светила уже достигли зенита и жарко грели землю. Рядом стоял Пато и, прищурившись, смотрел на него с широкой улыбкой.

– Привет, что-то не так?

– Не то, чтобы... – замялся он, – странно как-то. Ты должен дома дрыхнуть без задних ног, а ты здесь проветриваешься. Ребята мешают?

Владу стало почему-то стыдно и чтобы переключить внимание наставника, он спросил:

– Слушай, я видел у тебя флайпер⁶...

На мгновение он запнулся, а потом проговорил с гораздо большей уверенностью.

– Вдалеке темнеет какая-то полоса. Может, лес, может ещё, что-то... Я хотел бы слетать и посмотреть. Можно?

– Эта техника не только моя, но и штейгеров. Но... хм... есть один... Его только нужно отремонтировать, – Пато опустил голову, – и можешь пользоваться. Он всё равно никому не нужен. Летать некуда... Ладно, я пойду.

Но он не двинулся с места. Наставник прожигал взглядом землю, но потом, словно вспомнив нечто важное, резко поднял на Влада глаза.

– Не нужно туда соваться, хотя... слетаешь и сам посмотришь, – а потом, подумав, с пафосом добавил, – сложный ты парень, Лад, постоянно о чём-то думаешь, куда-то рвёшься, а так нельзя! Жить надо проще.

Влад только пожал плечами. Местные действительно существовали, как животные, удовлетворяя свои естественные потребности. Они не ставили целей, ничего не планировали, не жили будущим, впрочем, как и прошлым. Он никогда не слышал от них рассказов об оставленной семье и родной планете, словно они пытались защитить свою психику, отгородившись от былого невидимой стеной из льда.

– Тебе, парень, надо к Лили! Там тебя накормят, напоят, обласкают и спать уложат, – он громко усмехнулся, обнажив два ряда серых зубов, – за твои денежки.

Приземистое одноэтажное строение, носящее красивое название «Перо Агами», находилось на краю шахтерского поселения. Местный притон распластался на пустынной, выжженной солнцами, местности, будто медуза, выброшенная на берег, и был таким же безликим и бесцветным, как и обитающие там красотки. В этом заповеднике были собраны представительницы разных инопланетных рас: невысокие, похожие на лилипутов синекожие девушки с Касиопеи; длинноголовые из системы X-1R; нимфы с планеты Алкон, лицами, напоминающими насекомых с неподвижными фасеточными глазами. Была там и сексуальная кукла-андроид: голубоглазая и светловолосая. Хозяйкой этого райского местечка была престарелая тефианка Лили, по каким-то неведомым причинам, решившая переселиться на Крон. Однако ни одно из созданий матушки Вселенной не вызывало у Влада чувственного интереса, разве что живое любопытство исследователя.

– Ты испытал любовь? – вдруг ни с того, ни с сего произнёс наставник.

Бровь Влада поднялась, но выражение лица осталось холодным и бесстрастным.

Уловив сочувствие в голосе Пато, Влад потупил глаза в землю и спросил:

– С чего она начинается?

Мужчина помолчал некоторое время, то ли подыскивая слова, то ли раздумывая над ответом.

– С потребности души и тела, – наконец, ответил он. – Человек жаждет первого поцелуя, прикосновения...

Посмотрев на наставника с тоской, Влад вспомнил слова школьной подруги: «...его жизнь по секундам расписана в блокноте у гувернантки» и криво усмехнулся. Да, прошлое

⁶ Маленький летательный аппарат, напоминающий скутер

никогда ему не принадлежало в полной мере, а весь его любовный опыт сводился к Голливудским Love story. Однако был драгоценнейший плод его юношеского воображения – сказочная героиня, такая реальная, но красотки кроновского притона так не вписывалась в его мечту.

Решив для себя, что на данном отрезке времени для него важнее отремонтировать флайпер, Влад махнул рукой.

Глава 9

Если судьба преподносит тебе лимон, сделай из него лимонад.
Д. Карнеги

Далеко за песчаным обрывом Владу открылся настоящий лес с огромными соснами, на заскорузлой коричневой коре которых запеклись золотистые потеки смолы. Здесь были покрытые мхом и лишайником валуны и весело поющий ручеёк – совсем, как дома на Земле. В этом райском уголке не было мёртвенно-синеватых инопланетных трав, не встречались низкорослые стелющиеся кустарники с голубыми стеблями и белесыми, словно затянутыми плесенью листьями. Казалось, что эта земля отвергала чужеродные семена. Даже птицы перекрикивались на родном «земном» языке. Ошарашенный молодой человек почувствовал, что сердце его радостно забилося. Здесь не было суеты и скверны, в которой погрязли братья по Вселенной, а мирная переключка пернатых успокаивала. Казалось, что окружающая его действительность не реальна, а плод фантазии художника, решившего добавить красок в унылую и беспросветную повседневность. Искусственно созданный оазис.

На отремонтированном флайпере Влад проехал вглубь первозданного чуда, не уставая поражаться пейзажам, разогнавшим беспросветную тьму, царившую в его душе. Почему жители шахтёрского поселка не говорили ему о лесе? Почему сами не стремились сюда?

Так, размышляя, он добрался до высокого холма, поросшего сочной зелёной травой с вкраплением пёстрых цветов. На его склоне Влад обнаружил небольшую пещеру, вход в которую напоминал букву «О». В ней было сухо и тепло. Молодой человек зажег сухую ветку и с импровизированным факелом в руке обследовал её внутренности. Уверенность в том, что он хочет здесь остаться, превратив природное углубление в жилище, крепла с каждым шагом. На гладком возвышении, напоминающем пьедестал, можно было соорудить роскошное ложе, уложив на камень лапник и набив матрас и подушку свежим сеном. У дальней стены он устроил бы дровяник, натаскав и высушив у костра хворост и поленья. Он даже заприметил высокий, ему по пояс, валун, способный выполнить функцию обеденного стола. В глазах Влада зажглась надежда на перемены его жизни к лучшему, ведь сейчас он почти обзавелся собственным жильём. Надо только соорудить дверь, обустроить всё внутри, и личные хоромы готовы! Конечно, он зависит от шахтёрской работы, дающей ему гроши для существования, но возможность отдохнуть после неё в тишине и покое – важно не меньше. В его жизни появился смысл, и в свободное время Влад начал обустраиваться на новом месте, благо реабилитированный флайпер был отдан ему в безвозмездное пользование.

– Скажи, Пато, почему кроновцы не бывают в лесу? – сгорая от любопытства, спросил Влад. – На моей планете, на Земле пикник на природе – это самый доступный вид отдыха и возможность расслабиться после трудовых будней.

– Я и тебе не советовал бы туда соваться, но тебя же не переубедить...

Пато замолчал, а его руки сжались в кулаки, но не для того, чтобы кого-то ударить. Он казалось, вспоминал нечто, вселяющее ужас.

– Во-первых, природное чудо, которым ты так восторгаешься, чуждо этой планете, – рабочий неопределённо пожал плечами. – Ты же видел, насколько растительность в лесу отличается от местной. А во-вторых, энергетически этот лес нам не подходит ...

– В смысле?

– Не могу объяснить, – Пато некоторое время смотрел в одну точку, словно анализируя выдаваемую информацию, – он вроде как не пускает. Будто преодолеваешь энергетическую преграду, и возникает дурное предчувствие, что сейчас что-то откуда-то вынырнет... Нет, –

он решительно мотнул головой, словно пытаясь вытряхнуть неприятные воспоминания, – не советую туда ходить и тем более, строить там жильё.

– Понятно, что ничего не понятно!

Влад лихорадочно сопоставлял свои эмоции с тем, что сумбурно доносил до него друг. Местному жителю не было смысла придумывать сказочные байки о привидениях, поселившихся в сосновом бору, однако рассказ Пато полностью противоречил ощущениям Влада. В этом месте он испытывал удивительное чувство уютного довольства и успокоения, будто лес был создан специально для него, и он стал владыкой своего маленького королевства. С разрешения наставника молодой человек начал свою жизнь на этом чуждом для местного населения необитаемом острове, как Робинзон Крузо.

В трудах по благоустройству дома-пещеры прошло без малого пять лет. Каждую сэкономленную денежку он вкладывал в необходимые предметы обихода: кастрюли, ведра, посуду и постельные принадлежности. В этом ему активно помогала Лили. Старая женщина относилась к нему по-доброму, как к сыну. За эти годы Влад смог привнести городской комфорт в дикую природу и очень гордился своим домом. Одна напасть – наглые бестии – белки стали кланчить еду и забираться в его жилище, устраивая в нём беспорядок. Пришлось тщательней заделывать щели в двери и утеплять её.

Владу очень хотелось похвастаться своими успехами – новым домом, изнутри похожим на нормальное городское жилище и устроить для друзей грандиозную вечеринку. Но заманить их в лес, даже на бесплатное пиршество не получалось. Смущаясь, они под любым предлогом уклонялись от его приглашения.

Однажды Пато сдался. До границы с лесом они с Владом ехали на флайперах, веселясь, и попеременно обгоняя друг друга. В момент пересечения наставником линии раздела между равниной и лесом Влад отстал. Неожиданно прозрачный барьер беззвучно заискрился, и запахло озоном. Казалось, что вот-вот в Пато ударит молния и его испепелит. Влад видел, как мужчине было тяжело преодолевать невидимую глазу энергетическую преграду и продвигаться вперед. Словно не фрайпер вёз друга, а он всю дорогу тащил машину на себе. Владу стало жутко при мысли, что это может произойти и с ним.

– Теперь ты видишь, насколько всё серьёзно? – проговорил Пато, сдерживая вызванное страхом учащённое дыхание. – Возможно, что это чья-то вотчина, и кто-то охраняет свою собственность. Странно, что тебя пока пускают.

На такое заведомо неприятное путешествие отважится далеко не каждый, и чтобы не уронить свое достоинство, Пато, пробыв в гостях совсем недолго, откланялся и с радостью покинул гостеприимного хозяина.

Всё это было настолько загадочно, что какое-то время Влад обшаривал все уголки приютившего его леса в надежде наткнуться на хозяина райской кущи и официально попросить убежища, но тщетно. Постепенно происшествие забылось, и он, став единоличным собственником соснового бора, больше не задумывался о том, что вторгся в чужие владения.

Глава 10

В шахтёрской среде с каждым днём усиливалось недовольство. Поступило очередное уведомление Концерна о новой системе штрафов, из которого следовало:

«Стоимость транспортного модуля с породой уменьшится вдвое, если по какой-то причине отгрузка праксидиума остановится более, чем на один день».

А какой-то причиной часто бывал взрыв гремучего газа; обвалы, происходившие из-за того, что отползла размытая водой порода, а крепь ставилась наспех, чтобы не терять драгоценное время; извлечение покалеченных и убитых жертв «красной смерти».

Владимир не раз на себе испытывал, насколько зыбка граница между земным и небесным, и опоры, поддерживающие его жизнь, были так же шатки, как и устанавливаемые им крепи. В его обязанности входила периодическая инспекция лесов, подпиравших своды «котовых нор». Однажды, отстав от коллег по отбойному молотку, он разглядывал глубокую лужу, образовавшуюся в один момент, а подняв лампу, заметил покривившиеся стойки. В это же мгновение раздался грохот, и обвал поглотил ушедших вперёд несчастных товарищей. Поднявшийся от обрушения ветер гнал по туннелю густую красную пыль, но задыхающиеся и ослепленные шахтёры мчались к месту крушения. Материальный ущерб был невелик, однако из-под груды обломков не смолкали глухие, надрывные стоны и храпы умирающих. Влад вместе с рабочими руками разгребал и выносил камни с землёй, и на работу, на которую потребовался бы целый день, ушло четыре часа.

– Осторожнее! – наконец проговорил Пато. – Ещё чуть-чуть и доберёмся до них.

И в самом деле, хриплый стон слышался всё яснее, он словно звучал прямо под руками и лопатами. Влад неуклюже опустился на четвереньки и, сделав очередной гребок породы, увидел лицо мертвеца – тощего, как тростиночка подростка Тита. Это было прозрачное чахлое существо, в котором сказалось вырождение живших в нищете поколений. Глыба породы переломила ему хребет.

Еще один напряженный рабочий день подошел к концу. Влад медленно катил в сторону дома, ощущая при этом безмерную усталость, поглотившую его целиком. На Кроне редко шел дождь, но в этот день солнца скрылись в небесной тверди, словно разрешая благодатной влаге напитать измученную зноем почву. Сумеречные облака затянули часть неба, а из леса медленно пополз туман.

«Чайку бы, погорячее! – подумал он, но вспомнив, что в доме нет воды, в раздражении тряхнул головой. – «Чёрт! Придётся идти к ручью...»

У воды туман был особенно плотный. Казалось, что сам воздух сгустился и помутнел. Холодные мурашки поползли по коже.

«Может, это то, о чём предупреждал Пато? Ну и денёк сегодня!»

Перед ним, как по волшебству возникла невысокая человекообразная фигура издававшая глухое рычание. Но это был не гуманоид. Влад нервно сглотнул, а его рука рефлекторно потянулась к ремню, на котором висел тесак для рубки хвороста. Парень был совершенно не защищён, ведь лёгкая футболка и шорты не спасли бы его от мощных когтей существа. Животное походило на небольшую гориллу с кошачьей мордой, а его шкура была покрыта густым струящимся ярко-оранжевым мехом. Издавая утробное рычание, тварь стояла на задних лапах, шумно втягивая воздух и сверля Влада круглыми янтарно-желтыми глазами, не решалась напасть. Чувство опасности наполнило его рот слюной, которую он раз за разом сглатывал.

– Хорошая киса, – шептал он, – маленькая...

Влад, не веря в происходящее, пятился назад, стараясь отойти от животного как можно дальше, но ноги плохо слушались и скользили по мокрым камням, покрытым мхом, от чего

движения выходили неловкими. Он хорошо помнил навыки самообороны, крепко вколотые ему в голову строгим инструктором, а натренированные изнурительным трудом мышцы его ни разу не подводили, но поможет ли это в схватке с диким и сильным на вид существом?

Зверь побежал, держа курс прямо на него. Обнажились клыки и прижались, как у рассерженной кошки, уши. Неожиданно для себя Влад почувствовал прилив сил, словно что-то вне его сознания командовало телом. Время будто замедлилось, и дальнейшее отпечаталось у него в мозгу, как если бы он смотрел на всё происходящее в записи, причем с замедленной скоростью прокрутки. Тварь подпрыгнула с леденящим душу рыком, чтобы обрушить на него свою грузную тушу и казалось, повисла перед его глазами. С каким-то странным восторгом Влад смотрел на распластавшееся в полёте чудовище – струящуюся переливающуюся шкурку и сверлящие его, горящие мистическим светом, глаза.

На какое-то мгновение он даже забыл, что перед ним свирепый хищник, задумавший им поужинать. Влад закричал и стремительным броском направил тесак в брюхо животному. Рухнув на землю, оно издало чудовищный рев, от которого, казалось, содрогнулся лес. Зверь лапой, совсем по-обезьяньи, пробовал ухватиться за рукоятку ножа, пытаясь от него избавиться, проявляя при этом навыки, присущие разумному существу, а не дикому животному. Но жёлтые глаза теряли блеск, а слюна хлопьями покрывала клыки. Вместо того, чтобы бежать подальше от злосчастного места, Влад стоял и наблюдал за агонией. Движения существа постепенно слабели, и оно издавало звуки, похожие на злобное кошачье шипение. Что-то до боли родное почудилось во всём его облике. Молодой человек присел на корточки и погладил мягкую шерстку, в ответ послышалось слабое ворчание. Он снял с себя футболку и разорвал её, а после резким движением вытянул тесак. Животное дёрнулось, опять обнажив клыки, и глухо зашипело. Влад быстро перевязал рану, после чего вытер руки в крови об его шерсть.

– Потерпи, глупая животино, сама виновата.

Нарубив сосновые лапы и с трудом разместив на них грузное тело неведомого существа, он потащил его в сторону пещеры. Становилось всё темнее, а туман по-прежнему оставался насыщенным и плотным. Тропа была еле видна под серой пеленой. Приходилось карабкаться вверх по мокрой и разъезжающейся под ногами траве, но его стопы, казалось, сами нащупывали дорогу. Существо лежало тихо, и Влад даже подумал, что оно испустило дух. Когда же они достигли вершины холма, молодой человек заметил вдалеке какой-то неестественный золотистый свет. Словно прошивая сероватую мглу, он мерцающим пучком уходил в небо. Неосознанно Влад начал принахиваться и прислушиваться, как дикое животное, почуявшее угрозу. Резкий порыв ветра принёс из глубины леса надрывный женский крик.

– Йорд! Йорд!

Животное попыталось подняться, но, издав сердитое кошачье шипение, рухнуло на сосновые лапы. Влад опять отчетливо услышал зов.

– Йоордик!

Взгляд молодого человека метнулся к раненому хищнику. И снова оно попыталось подняться, но и на сей раз это ему не удалось.

– Бедный Ёрик, похоже, тебя потеряла хозяйка...

Не долго думая, Влад вскочил на припаркованный у пещеры флайпер, и взял направление на свет.

Глава 11

Жизнь была бы трагичной, если бы не была такой забавной.
Стивен Хокинг

Чем ближе Влад подлетал к мерцающему лучу, тем явственней убеждался в том, что это чудо искусственного происхождения. И от этого понимания начал паниковать, пытаясь сдерживать холодные волны предчувствия. В голове билась одна мысль: «Кажется, сейчас я познакомлюсь с хозяином». Его не пугала возможность пообщаться с инопланетным и явно могущественным существом, наоборот, он жаждал его помощи. Однако страх потерять жилье, в которое он вложил столько сил и денег, был превыше всего.

Подлетев совсем близко и припарковав беззвучный флайпер, Влад спрятался за толстым стволом дерева. Сгорая от любопытства, он осторожно выглянул из-за укрытия. То, что он увидел в следующее мгновение, ввергло его в ступор. Перед кабиной напоминающей лифтовую, стояла девушка лет двадцати и в растерянности пыталась что-то разглядеть в туманном сумраке леса. Но что это была за девушка! От восхищения и многих других, не ведомых доселе эмоций, Влад словно прирос к сосне. Красавица была высокого роста, а приталенный брючный костюм подчёркивал фигуру гимнастки. Длинные чёрные волосы незнакомки были небрежно закинута на одно плечо, а подсветка кабины окружила её ореолом и обрамила голову нимбом.

Влад пытался сообразить, какой части света Земли-матушки могли бы принадлежать её черты: темные дуги бровей над миндалевидными нефритовыми глазами, широкие скулы и прямой, как у античных статуй, носик. От красавицы исходили уже виденные в его детских грезах облака разноцветных искр, которые, как протуберанцы, колыхались и вздрагивали, окутывая её мягким шлейфом. Молодой человек, не отрываясь, смотрел на незнакомку, а девушка меж тем медленно, как бы в раздумье, покачала головой и вошла в лифт. Прозрачные дверцы бесшумно закрылись, и иноземная конструкция в один миг исчезла, словно её и не было.

– Мо-ло-дец! – с расстановкой проговорил он, усаживаясь на подушку изо мха. – Нет бы, подойти и познакомиться... Ты совсем одичал, брат!

Сказать, что он был зол на себя за нерешительность – ничего не сказать. Влад был вне себя от злости. Перед его мысленным взором явственно возникла хищная физиономия напавшего на него существа.

– Она за ним вернётся, – подбодрил себя Влад, – и я буду начеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.